

тать, отдыхать. 20 лет назад такого выбора не было.

— *Неужели в прошлой вашей жизни не было совсем ничего хорошего?*

— Что вы! В прошлой жизни все было хорошо. И главное — молодость... (*Улыбается.*) Но отрицательные факторы так сильно давили на меня, что я стремился уехать. Мое решение эмигрировать созрело даже гораздо раньше, чем появилась реальная возможность это сделать. Поймите, я не жил в этой стране, а словно сидел в огромной клетке.

— *Простите, но в таком случае, в ней сидели все!*

— Это личное дело каждого. Я мириться с такой жизнью и терпеть всяческие неудобства не хотел. Почему кто-то должен решать, могу ли я поехать за границу? Почему кто-то боялся, что я там останусь? А даже если останусь — почему это проблема?

— *В те годы вам запрещали выезжать за границу?*

— Нет. Но, чтобы поехать на гастроли в ГДР, например, я должен был выучить всю

ее политическую систему — сколько человек в парламенте, где родился и учился Хонеккер, сколько всего членов Политбюро и кто премьер-министр. Хорошо, конечно, что я получил дополнительные знания о ГДР, но какое это имеет отношение к концертам джазовой группы «Аллегро» и к моей личной жизни? Для меня эта поездка была как поток свободы. За четыре дня я поспал, наверное, часа два, все остальное время общался: с американцами, немцами. И первый вопрос, который я там задал на улице, был: «Где здесь джем-сейшн?» (музыкальная вечеринка, где может выступить любой желающий. — *Ред.*) Пришел в клуб — там сидят человек пятьсот, пьют пиво. А на сцене стоят инструменты, и никто не играет. Я ждал пять минут, десять. Потом не выдержал, достал саксофон и начал играть. И вдруг с разных сторон, как тараканы из нор, стали вылезать музыканты и присоединяться ко мне. Мы подружились, пили шампанское, общались. Так я проводил там все вечера и ночи, а утром бегал по магазинам. Денег за гастроли нам не заплатили, но разрешили обменять 500 рублей. Ребята

подсказали, на какие шмотки их лучше потратить, чтобы дома выгодно продать, и я, как все, покупал галстуки, джинсы...

— *За вами же там, наверное, все время ходил человек в штатском?*

— Вот это вопрос! По-моему, этот человек был среди нас. Через неделю после ГДР мы должны были ехать в Югославию. И вдруг мне говорят: «Игорь, а твой паспорт не пришел». Я было рассмеялся: «А откуда он должен прийти, если он со мной?», но потом понял, что кто-то всерьез решил от меня избавиться и мне отказали в визе. Этот «кто-то» был, скорее всего, членом нашего коллектива. Увидев, как я легко общаюсь с иностранцами, могу что-то придумать и осуществить, он решил, что в Югославию меня лучше не брать. Так я и не поехал.

— *А разрешение эмигрировать в США вы получили легко?*

— С этим как раз проблем не было. К моменту отъезда я уже развелся с первой супругой и женился на американке.

— *Женились, чтобы уехать?*

— Мы были знакомы с Айлин много лет. Она несколько раз приезжала в СССР, мы переписывались. Но вы правы — я женился в том числе и ради того, чтобы уехать. Если бы Айлин не была американкой, скорее всего, я не стал бы связывать с ней жизнь. Наш брак и продлился-то всего три года...

— *Первый раз вы женились из-за прописки, второй раз — чтобы уехать в США. А в третий раз?*

— Наверное, не поверите, но в случае с Оксаной я никакой выгоды не искал. Когда мы познакомились, за ней ухаживал мой друг Сережа Мазаев. В рамках культурного развлечения он привел ее на мое первое после отъезда в Америку выступление в Москве. Это было в 1992 году. Оксана понравилась мне внешне, но я и не думал, что когда-нибудь мы встретимся еще раз, и уж тем более, что между нами случится любовь. Я ведь по-прежнему жил в США и не собирался возвращаться в Москву. Однако — казалось бы, вопреки всем обстоятельствам — наше общение продолжилось. Мы встречались на концертах Сергея, в общих компаниях. Я стал ухаживать за Оксаной, звонил из Америки...

— *Выходит, отбили девушку у друга?*

— Нет, Оксану мы с Сергеем не делили. Просто Мазай хотел все и сразу, а она была к этому не готова, и Сергей, чтобы не тратить свое драгоценное время, на моем же концерте познакомился с другой замечательной девушкой, с которой потом долго встречался. Так что все произошло само собой, без конфликтов.

— *То, что Оксана была далека от джаза, совсем не имело для вас значения?*

— Для меня был важен человек — красивый ли он, умный ли, добрый. Я не смотрел в родословную Оксаны, прежде чем полюбить ее. Имелось высшее образование, она несколько лет работала моделью, потом на разных должностях в банке. А то, что не разбиралась в джазе, было не так уж важно. Когда завязалась дружба, она стала бывать на моих концертах, интересоваться тем, чем я занимаюсь. Однажды я посвятил ей композицию «Вальс для Оксаны». Помню, еще не закончил исполнение, когда она вскочила с кресла в зрительном зале и преподнесла мне цветы. Это было трогательно и мило. Это был крик ее души, а для меня — знак того, что сердце девушки может быть отдано мне. Ну, что из того, что Оксана не поняла, что это еще не конец композиции? Никто не обязан разбираться в джазовой музыке. Если человек пришел на наш концерт, это уже хорошо. Да, Оксана не говорит мне как специалист: «О, какая здесь интересная гармония!» Зато она всегда искренна в признаниях — что понравилось, а что нет.

— *Судя по тому, что теперь Оксана — ваш теневой директор, она достигла больших успехов в деле познания джаза?*

— Совершенно верно. Причем достигла их, абсолютно не учась этому, а просто имея прекрасную память и хороший слух. Сейчас Оксана продюсирует новый альбом, который я записываю со своим биг-бэндом, договаривается с музыкантами, со студией, с фотографом. Джаз стал нашим семейным бизнесом. И мне это нравится.

— *Еще бы! Жена-продюсер не подведет, не обманет.*

— И это важно. Но главное — должна быть личная вера в человека, с которым ты работаешь. Оксана же поверила в меня, когда восемь лет назад вышла замуж. Кто-то, наверное, думает: «Какая скука! Занимаются одним и тем же, говорят об